

ЯНЬ ЛИ

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка китайско-российского института
Цзянсуский педагогический университет
(Сюйчжоу, Китайская Народная Республика)
ORCID 0000-0001-9749-6054; feizaidemami@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИЛИТАРНОЙ МЕТАФОРЫ В КИНОТЕКСТЕ (на примере кинофильмов Э. Рязанова)

А н н о т а ц и я . Рассмотрено функционирование военной метафоры как одного из ведущих видов концептуальных метафор в текстах кинофильмов Э. Рязанова. В современной лингвистике все больше внимания уделяется изучению когнитивной метафоры, служащей основополагающим инструментом интерпретации креолизованного текста, в частности кинотекста. Однако работ, исследующих реализацию военной метафоры в кинотексте, практически не представлено. В данной статье впервые предпринята попытка выделить и проанализировать метафорические модели, структурирующие тематические группы военной лексики: «наименования военных действий и способов ведения войны», «наименования результатов ведения военных действий», «наименования лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к военным действиям», «наименования видов оружия и его элементов», «наименования войсковых групп, подразделений». В результате исследования раскрыты их лексико-семантические, категориально-грамматические, функциональные, стилистические и лингвокультурные особенности в киноязыке. Показано национально-культурное своеобразие метафорического осмысления лексики семантической сферы «война», тем самым отражен фрагмент русской языковой картины мира путем выявления основных случаев использования военной метафоры в повседневной речи. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в практике обучения русскому языку как иностранному, при подготовке учебных пособий по метафорологии и лингвистике кинотекста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военная метафора, сема, направление метафорического переноса, кинотекст, языковая картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ли Я. Специфика функционирования военной метафоры в кинотексте (на примере кинофильмов Э. Рязанова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1122

ВВЕДЕНИЕ

Метафора изначально рассматривалась как фигура речи, риторическое украшение. Однако благодаря ее изучению, охватывающему разные отрасли знания, в настоящее время метафора понимается как универсальный когнитивный механизм, «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [3: 6]. Все более пристальное внимание современных исследователей к данному феномену объясняется метафоричностью процессов человеческого познания и мышления в целом. В русле когнитивистики метафора выступает важной ментальной операцией, обеспечивающей перенос образных схем из одной концептуальной сферы в другую [6: 13].

К числу основных источников метафоризации в русском языке относится военная лексика. Лексика сферы военного дела играет значимую роль

в лексико-семантической системе русского языка. Она рассматривается многими лингвистами как система лексических средств, которые отражают разнообразные военные концепции и встречаются как в общенародном слое словарного состава языка, так и в лексике ограниченного употребления [7: 4]. В военной лексике традиционно выделяются военная терминология и военно-бытовая лексика (жаргонизмы, сленг военных) [1: 85]. Военная (милитарная) метафора в качестве значимого фрагмента метафорической картины мира является одним из наиболее популярных и продуктивных языковых средств выразительности для различных типов научного дискурса. Это может быть обусловлено тем, что военные конфликты происходили на протяжении всей истории человечества, вследствие этого военный опыт оставляет отпечаток на мно-

жестве сфер общественной жизни. А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов в своих работах неоднократно упоминали о милитаризации российского сознания. Согласно их концепции, «война – одна из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, и военная метафора явно относится к числу базовых...» [2: 189]. А. П. Чудинов, в свою очередь, утверждает, что

«военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития русского языка. Богатый военный опыт традиционно находил свое отражение и в национальной ментальности...» [10: 189].

Таким образом, для русской лингвокультуры привычно использовать военную лексику, в том числе военную метафорику, при осмыслении конфликтных ситуаций в повседневной жизни.

Изучению данного вида метафор в различных типах дискурса посвящен ряд работ российских и зарубежных исследователей: А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова [2], Э. В. Будаева, А. П. Чудинова [3], [10], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5], С. А. Логачева, В. В. Овсянниковой, А. А. Карамовой, Т. Д. Магомадовой. Дж. Лакофф и М. Джонсон впервые выдвинули идею о том, что в обыденной жизни бывают случаи, когда мы мыслим в терминах войны [5: 26–27]. Одним из ярких доказательств служит характерная для американской культуры концептуальная метафора «спор – это война». Особое место военной метафоры в метафорической системе русского языка отмечает В. П. Москвин. По его словам, в рамках семантической классификации военных метафоры составляют отдельную группу¹. В данной работе под военной метафорой мы понимаем такую ее разновидность, в которой объектом переосмысления становится военная лексика.

Одним из перспективных и актуальных направлений современной лингвистики является исследование функционирования метафоры в разных типах текстов. В современном научном дискурсе все большее значение придается креолизованным текстам, состоящим из двух негетерогенных частей: вербальной и невербальной [9: 180–181]. «Среди центральных в культуре креолизованных текстов ведущее место принадлежит кинотексту» [4: 48], который определяется Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой как сообщение, «выраженное при помощи вербальных и невербальных знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного автора... предназначенное для воспроизведения на экране аудиовизуального восприятия зрителями» [8: 32]. Заметим, что большинство исследователь-

ских работ посвящено изучению военной метафоры в политическом, публицистическом и медийном текстах. Данный вид метафоры, по нашему наблюдению, не подвергался комплексному лингвистическому анализу в кинотексте. Материалом для исследования послужили тексты кинофильмов Эльдара Рязанова, характеризующиеся высокой частотой метафороупотребления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В нашей работе впервые предпринята попытка рассмотреть вербализацию военных метафор в киноязыке путем выделения и анализа языковых выражений, в которых наблюдается метафоризация наименований военной деятельности, результатов войны, участников военных действий, видов оружия и его элементов, войсковых групп и подразделений. Рассмотрим конкретные случаи метафорического употребления лексических единиц, входящих в следующие группы.

Тематическая группа

«Наименования военных действий и способов ведения войны»

Метафорический перенос в данной группе осуществляется по модели «процессы и действия, осуществляемые в ситуации войны → процессы и действия, осуществляемые вне ситуации войны». Данный перенос реализуется в контексте, извлеченном из кинокомедии Э. Рязанова «Гусарская баллада» (1962), где отставной майор Азаров в своем поместье устраивает бал-маскарад, чтобы познакомить племянницу Шуручку с женихом – поручиком Ржевским. Однако бал был прерван известием губернатора о начале войны с французами: «На родину надвинулась беда. Гроза военная покрыла наше небо. Тринадцатого, в день, форсировали Неман Нежданно Бонапартовы войска». В словах губернатора приход войны уподобляется атмосферному явлению – грозе. Говорящий, прибегая к метафоре, стремится подчеркнуть моментальность и внезапность прихода войны, а также ее большой масштаб. В данном контексте при метафоризации войны также актуализируется сема «катастрофический и разрушительный характер» (*покрыть небо*).

В текстах кинопроизведений Э. Рязанова метафоризации также подвергаются контекстуальные синонимы или гипонимы слова *война*, в том числе *борьба*, *сражение* и др. В анализируемых контекстах метафорический перенос наиболее часто осуществляется с помощью глагола *бороться* и его направление выглядит так: «активное вооруженное столкновение войск => борьба за что-л. или против чего-л.». Например, в тра-

гикомедии «Гараж» (1979) младший научный сотрудник Елена Малаева, считая несправедливым решение правления о распределении гаражей, выступает за правду как борец на войне, воюющий за мир и победу: «Если женщина с такими внешними данными борется за правду, она наверняка не замужем»; «Мы все тут боремся за место под солнцем! В виде гаража». Метафорическое употребление слова *бороться* встречается и в реплике из криминальной комедии «Берегись автомобиля» (1966), где люди, живущие нечестными доходами (взяточники, спекулянты и расхитители), отождествляются с военными противниками: «Мы будем нещадно бороться с лицами, живущими на нетрудовые доходы». Домработница берет на себя ответственность за борьбу с грязью и беспорядком в доме: «Эта не та пыль, с которой надо бороться, она неподвижная» («Девушка без адреса», 1957). Рассмотренные метафоры, связанные с понятием «борьба», являются стертыми, их переносные смыслы не замечаются, однако с их помощью говорящим удается передать серьезность ситуации и решительность в достижении цели.

В кинофильмах Э. Рязанова фиксируется высокая частотность употребления лексем, обозначающих различные виды боевых действий, в невоенных ситуациях. Возможно образование метафорического значения на основе мотивирующего семантического компонента «стремление нанести урон, ущерб кому-л.» (*нападение*). Это репрезентировано репликой героя сатирической комедии «Забытая мелодия для флейты» (1987) Леонида Семеновича Филимонова, воспринимающего с настороженностью поведение своей жены, с которой он собирается расстаться, как нападение: «– Я все-таки никак не пойму, ты нападаешь или капитулируешь? – а ни то ни другое». Ситуации, возникающие в повседневной жизни, например когда вас преследуют, ассоциируются с ситуациями, случающимися на войне: «Нас на пушку не возьмешь, не на тех напали» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Фразеологическое выражение *Не на того (ту, тех) напал* передает смысл 'недооценивать кого-либо; иметь дело не с тем'². В приведенных примерах метафоризация слов *нападать* / *напасть* связана прежде всего с намерением говорящего создать определенный эмоциональный настрой.

В кинотексте имеют место милитарные метафоры, сформированные на основе переноса по признаку «получение выгоды в результате успешного завершения конфликта» (*захватить*, *захватить*). Так, в сознании члена кооператива Елены Малаевой ее коллеги, которые борются

за свое право на приобретение гаража, не обращая внимания на справедливость голосования, аналогичны захватчикам на войне: «Человека надо охранять от человека. От жадности, которая нас съедает. От желания захватить, захватить» («Гараж», 1979). Прибегая к метафоре, говорящий подчеркивает жадность, эгоизм, агрессивность, проявляемые коллективом в погоне за личными интересами.

Наиболее распространенным и употребительным в данной тематической группе оказывается метафорический перенос по семантическому признаку «действие, направленное на истребление объекта». Метафорическому переосмыслению на основе этого признака чаще всего подвергаются лексические единицы, отражающие негативные последствия ведения военных действий (*уничтожить* / *уничтожить*, *разгромить* и под.). В качестве примеров можно привести следующие персонажные реплики:

«Жильцы соседнего дома ночью... засадили стройплощадку быстрорастущими деревьями, а утром накатали телегу в исполком, что мы... уничтожаем зеленую зону» («Гараж», 1979); «Мы решили оплатить стоимость пальто одного... из членов правления, уничтоженного при этом. Я имею в виду пальто, а не члена правления» («Гараж», 1979); «Если вы директорша, вы думаете, все можете себе позволять? Уничтожать! Топтать!» («Служебный роман», 1977).

Как известно, военное противостояние предполагает негативное воздействие на противника. В вышеприведенных примерах способ негативного воздействия военной деятельности – уничтожение – концептуализируется как причинение большого ущерба кому-л. в бытовых сферах. В других контекстах при метафоризации актуализируется сема «прекращение существования кого-л.»:

«Помогите! Убийцы! Розарио Агро еще никому не удавалось уничтожить! <...> Мафия бессмертна!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973); «– Нет, вы не имеете права. – Я тебя сам уничтожу» («Предсказание», 1993); «Стреляй! Только наверняка. Их надо уничтожить» («Старые клячи», 2000).

В этих случаях значение глагола *уничтожить* приравнивается к значению глагола *убить*. К числу военных метафор данной группы относятся и те, которые отражают такие семантические компоненты исходной семемы, как «интенсивность действия» (*разгромить*): «– Они здесь всё разгромили! – Почему всё? Кое-что осталось» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Здесь наблюдается стремление говорящего подчеркнуть разрушительность совершаемого другими действия.

Метафорический перенос по признаку «результат взаимодействия враждующих сторон» может быть реализован при актуализации двух сем: «нанесение кому-л. раны, увечья» (*ранить, покалечить*) и «лишение жизни, умерщвление кого-л.» (*убить*). Лексика, обозначающая негативное последствие осуществления военных действий (*повреждение*), употребляется вне ситуации войны. Рассмотрим примеры из фильма «Служебный роман» (1977): «Я тебя уничтожу! Я тебя покалечу! Я тебя ненавижу!», «– Вы же меня так убьете. – Я вынужден защищаться». В споре между людьми, в особенности между влюбленными, часто произносятся такие слова, как *покалечить, убить, уничтожить*, в качестве лексических средств для выражения гнева и угрозы. Иногда глаголы *убивать / убить* употребляются в переносном значении ‘привести в полное отчаяние, в состояние безнадёжности’³. Это воплощается в метафорической реплике из фильма «Гараж» (1979): «Товарищи, этот вопрос очень деликатный. Где-то очень огорчительный. Меня лично он просто убивает». Бывают случаи, когда страдающий от любви человек воспринимает душевную боль, рану как телесную: «Вы меня ранили в самом сердце! Я знаю, меня не любят, боятся, а зачем так унижать?» («О бедном гусаре замолвите слово», 1980).

Полное разрушение чего-л. или смерть кого-л. уподобляются гибели на войне при метафоризации слов *погибать / погибнуть / погибший*. Например, чувства, испытываемые героиней фильма «Жестокий романс» (1984) Ларисой, приводят ее к гибели: «Вася, я погибаю». Другим примером служит метафорическое высказывание «Три дерева, пустившие побеги, обработали мазутом. Пришлось уплатить штраф за три погибших дерева. Но участок отстояли» («Гараж», 1979).

На войне предпринимаются не только наступательные операции, но и оборонительные. В рассмотренных фильмах прослеживается ряд лексем, приобретающих метафорическое значение на основе мотивирующего признака «защита от нападения» (*отстоять, защищать, защищаться, прикрыть*). Это вербализуется в следующей персонажной реплике из фильма «Гараж» (1979): «Мы все боролись за товарища Хвостова... пытались его отстоять». Здесь глагол *отстоять* имеет значение ‘защитить чьи-л. интересы’. Метафоризация слова *отстоять* встречается и в другом примере из этого же фильма: «Но участок отстояли». В данном случае словосочетание *отстоять участок* может пониматься в значении ‘сохранить участок для своего исполь-

зования’. Глагол *защищать* подвергается метафорическому переосмыслению во фразах типа «– Что-то вы так страстно защищаете ее, а? Это наводит на подозрения. – На эту тему я вообще разговаривать не желаю!» («Гараж», 1979); «– Галя, должна сказать, что я вам немножко завидую. Да, он мне очень понравился. Ну простите его. – А почему вы его защищаете? Вы замужем?» («Ирония судьбы, или С легким паром», 1975). В этих двух контекстах глагол *защищать* является синонимом глагола *заступаться*. Человек, ограждающий себя от побоев, коррелирует с воином, обороняющимся от врага: «...Я вынужден защищаться» («Служебный роман», 1977). Метафоризация лексемы *прикрыть*, обозначающей защиту действиями войск, встречается в фильме «Старые клячи» (2000): «Мужик, отступаем к кассе, мы тебя прикроем...»; «Шеф, мы вас прикрыли. Мы с вами».

На основе семантического компонента «неудачное завершение боевых действий» происходит метафорический перенос следующих слов и словосочетаний данной тематической группы: *отступить, капитулировать, сдаваться / сдать, сдать позиции, идти на компромисс*. Рассмотрим метафоры отступления из фильма «Старые клячи» (2000):

«– Мужик, отступаем к кассе, мы тебя прикроем. – Я не отступал ни разу в жизни, даже к кассе. Но ради вас – это другое дело. Российский офицер никогда не прятался за спины женщин»; «Девочки, организовано, без паники отступаем».

У глагола *капитулировать* актуализируются две основные семы: 1) окончание военных действий; 2) сдача победителю на определенных условиях. Его метафорическое употребление находится в контексте, где одна сторона брачных отношений идет на уступки другой в чем-л., желая завершить конфликт: «Я все-таки никак не пойму, ты нападаешь или капитулируешь?» («Забытая мелодия для флейты», 1987). Отметим, что капитуляция, на которую идут супруги в целях сглаживания напряженного отношения, оценивается уже не так отрицательно, как в военном контексте. Она становится способом разрешения семейного конфликта. *Сдаваться* как синоним слова *капитулировать* переосмысливается метафорически в реплике типа «– Ольга, не будем ссориться, сдавайтесь! – Дайте мне лучше сигарету» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Здесь действие, называемое этим словом, понимается как прекращение сопротивления. Иногда состояние влюбленного человека уподобляется состоянию при сдаче в плен на войне: «И потом, зачем я вам сдался? У меня

дети. У меня их двое – мальчик и...» («Служебный роман», 1977). Милитарная метафора также функционирует в тексте песни из фильма: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”. Пощады никто не желает!» («Старые клячи», 2000). Ситуация, когда человек вынужден отказаться от своих принципов, мнений под давлением обстоятельств, ассоциируется с положением, когда войско отступает, бросая позиции: «Я сдаю свои позиции. Согласен на жеребьевку. Надеюсь, что все-таки правление вы пожалеете» («Гараж», 1979). Иногда враждующие стороны делают взаимные уступки в ходе войны. Это происходит и в обыденной жизни: «Понимаете, бывают такие ситуации, когда нам приходится идти на компромиссы» («Дорогая Елена Сергеевна», 1988).

Тематическая группа «Наименования результатов ведения военных действий»

Помимо лексических единиц, относящихся к наименованиям военных действий и способов ведения войны, в кинотексте также может быть метафоризована лексика, обозначающая результаты ведения военных действий (*победа, победить, перебороть, проигрывать*). Следует отметить, что метафоры с лексемами, означающими результаты войны, выступают в большинстве случаев как общепринятые военные метафоры, значения которых стерлись и не передают агрессии, связанной с войной. В качестве примера можно привести такое высказывание: «Когда она меня уволела, я не переживала. Я знала, что правда победит» («Дайте жалобную книгу», 1965). В данном выражении правда метафорически концептуализируется в образе победителя в войне. Здесь имеет место персонафикация абстрактного понятия «правда». Образованное от глагола *победить* существительное *победа* подвергается метафоризации в реплике типа «С тобой, корнет, друг друга сыщем. Коль не убьют нас на войне, когда побед блеснет зарница» («Гусарская баллада», 1962). В основе данной метафоры лежит восприятие победы в качестве того, что способно излучать свет.

Кроме слова *победить* его синоним *перебороть* также приобретает метафорический смысл в фильмах Э. Рязанова. Это можно проиллюстрировать словами песни из фильма «Вокзал для двоих» (1982): «Из дома выйдя в непогоду, взбодрите дух, прищпорьте плоть. Не бойтесь тасовать колоду, пытайтесь жизнь перебороть». Текст к этой песне был написан самим режиссером фильма. Выражение *перебороть жизнь* передает здесь смысл 'преодолеть все жизнен-

ные трудности'. В данном контексте одновременно происходит и олицетворение отвлеченного понятия «жизнь», конкретнее, осмысление жизни в образе противника на войне. Нетрудно заметить, что применение здесь метафоры имеет целью повысить выразительность и эстетичность текста. Кроме того, выигрыш или проигрыш в карточной игре может уподобляться победе или поражению в войне: «Я человек светский и умею проигрывать с честью! Ступайте, дети мои!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973).

Тематическая группа «Наименования лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к военным действиям»

Общеизвестно, что в любом военном конфликте существует как минимум две противодействующие стороны, которые условно делятся на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Неслучайно слово *враг* является одним из ярких примеров военной лексики, которое нередко подвергается переосмыслению благодаря ярко выраженной в нем агрессивности и отрицательной оценке. В кинотексте метафоризация данного слова реализуется на основе семантического признака «противоборство»: «Что такое домработница? Домработница – это своего рода внутренний враг» («Девушка без адреса», 1957). В представлении хозяйки квартиры молодая и красивая работница в доме, имеющая потенциальную возможность соблазнить ее мужа, отождествляется с военным противником. Лексема *побежденный*, указывающая на отрицательный результат участия в военных действиях, получает метафорический смысл в следующей персонажной реплике: «– Ты побежденный! – Еще неизвестно, кто побежден! Руку сломаешь!» («Ирония судьбы, или С легким паром», 1975). Тот, кому не удалось одержать верх в драке, похож на того, над кем одержана победа.

В кинофильмах Э. Рязанова обнаруживается возможность образовать метафорическое значение на основе семантического компонента «безнравственное поведение, низкий поступок» (*предатель, изменник*):

«– Прекрасно! Сегодня вечером я тебя ограблю! – Предатель! Я не хочу грабить Анну Павловну! Я не хочу вас грабить!» («Старики-разбойники», 1971); «– Я не стану унижать себя оправданиями. – А как же... Ах ты предатель! Я тебя растерзаю!» («Ключ от спальни», 2003); «– Вот он, держите его! – А, попался! Изменник! Я предупреждал!!!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973).

Измена, предательство в дружбе, в любви часто приравниваются к измене, предательству

в военных условиях. Номинации лиц на военной службе могут быть использованы для метафорического обозначения характеристик человека, например, «умение выведать тайные сведения» (шпион): «Я думала, что ты на самом деле любишь меня, а ты, оказывается, приставлен, чтобы следить за мной! Грязный шпион!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Кладовщики случайно обнаружили, что Андрей Васильев, который назвался гидом, оказывается на самом деле представителем милиции и он специально присоединился к ним, чтобы следить за ними и выведать сведения о местонахождении сокровищ. Как можно заметить, метафорический перенос, в котором актуализируется сема «поведение», является наиболее востребованным в данной тематической группе.

Тематическая группа «Наименования видов оружия и его элементов»

Военная метафора способна описывать средства для ведения войны, боя. В данную тематическую группу включаются сама лексическая единица *оружие* и виды вооружения как гипонимы (*пуля*). Метафорический перенос осуществляется по модели «предметы, предназначенные для осуществления военных действий → предметы, используемые в быденной жизни». Так, в словарных источниках слово *оружие* толкуется как «всякое средство, технически пригодное для нападения или защиты, а также совокупность таких средств»²⁴. В случаях его метафорического употребления в невоенных ситуациях актуализируется главная эксплицитная сема «средство для достижения цели», а также имплицитная – «мощность, разрушительная сила». Рассмотрим примеры использования в кинотексте:

«Я вам так скажу, молодой человек: печать – это самое острое наше оружие. Вы поняли мою мысль?» («Дайте жалобную книгу», 1965); «Молодые люди, имейте в виду, у меня в руках горячее оружие!» («Девушка без адреса», 1957).

В первом высказывании пресса интерпретируется как наиболее мощное, влиятельное орудие, при помощи которого распространяются идеологии или обличаются негативные социальные явления. Эта метафора соотносена с сюжетом фильма «Дайте жалобную книгу» (1965), по которому журналист Юрий Никитин написал фельетон, где разоблачается хамское обслуживание клиентов в захудалом ресторане «Одуванчик». Статья получила бурный общественный резонанс, в результате чего директору ресторана Шумовой предложили уволиться. Советский на-

род беззаветно верил в мощь и силу печатного слова. Таким образом, при сравнении прессы с оружием, помимо главной семы «средство», акцент делается и на силе воздействия прессы на массовое сознание. Во втором примере под горячим оружием подразумевается чайник с кипящей водой. Мотивирующая сема для данного метафорического переноса – «предмет, применяемый для нанесения удара кому-л.». Следует отметить, что военная метафора в этом контексте выступает вербальным средством создания в речи комического эффекта.

Кроме самого слова *оружие* метафоризация номинаций элементов оружия также встречается в текстах фильмов Э. Рязанова: «Прелестница младая, Прощаюсь я с тобой. Пусть пуля удалая прервет мой путь земной» («Гусарская баллада», 1962). Пуля в качестве элемента стрелкового оружия персонифицируется при помощи метафоризованного предиката *прервать*, который, как правило, сочетается с субъектом действия – лицом.

Тематическая группа «Наименования войсковых групп, подразделений»

Данная тематическая группа является самой малочисленной по количеству примеров. В нее входит лишь одно метафорическое выражение из фильма «Дорогая Елена Сергеевна» (1988): «– Дорогие мои, вы... вы просто не представляете, как вы меня... вот уж не ожидала. Спасибо вам. Но как вы узнали? – Разведка донесла!» Слово *разведка* в исходном значении означает «войсковую группу, подразделение для получения сведений о противнике»²⁵. В данном контексте оно используется для метафорического обозначения группы людей, занимающихся сбором чужих данных. Заметим, что здесь метафорическая корреляция формируется на основе мотивирующего признака «получение сведений».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что процесс метафоризации военной лексики оказывается активным в кинотексте. Военные метафоры в текстах кинопроизведений Э. Рязанова базируются на сходстве наименований военных процессов и действий, результатов и участников войны, вооружения, войсковых подразделений с различными явлениями в повседневной жизни. Активность метафорических процессов в выделяемых тематических группах неоднородна. Самой высокой степенью метафоричности в рамках анализируемого материала обладает тематическая группа «Наименования военных действий и способов ведения войны» (71 %). При помощи уподобления процессов и действий, осуществляе-

мых в военных условиях, процессам и действиям в невоенных ситуациях, актуализируются серьезность обстановки и решительность в достижении цели, подчеркивается характеристика действия (агрессивность, разрушительность), создается в речи определенный эмоциональный настрой. Схожими по распространенности видами военной метафоры выступают подвергающиеся переосмыслению наименования участников военных действий (13 %), результатов ведения военных действий (8 %), видов оружия и его элементов (6 %). Низкая частотность употребления наблюдается у лексических единиц, называющих войсковые группы, подразделения (2 %).

Согласно статистическим данным, метафорические выражения извлечены из 17 кинофильмов Э. Рязанова. Множество из них встречаются в текстах фильмов «Гараж» (19 %) и «Невероятные приключения итальянцев в России» (15 %). Таким образом, военные метафоры чаще употребляются в фильме-приключении и в фильме, сюжет которого посвящен острым социальным вопросам. Напомним, что в образовании военных метафор участвуют разные части речи. Подавляющее большинство анализируемых фактов относится к глагольным метафорам, составляющим 76 % от общего числа примеров, остальные – субстантивным метафорам (24 %). В рассмотренных текстах метафорический перенос главным образом осуществляется с помощью глагола в позиции предиката. Также

важно заметить, что 82 % обнаруженных военных метафор принадлежат узуальным, которые в основном функционируют в персонажных репликах. Апелляция к общепринятой языковой картине мира делает кинотекст более понятным для зрителей. Все окказиональные метафоры фигурируют в словах песен фильмов и чаще всего служат цели повышения эстетической ценности текста.

Рассмотренные нами военные метафоры выступают в качестве продуктивного средства для выражения эмоции (например, гнева) или описания душевного состояния (например, огорчения) в кинотексте. Они также повышают речевую выразительность и эстетичность кинотекста. Некоторая военная лексика при метафоризации приобретает оценочную окраску, отличную от обычной. Например, капитуляция в переносном смысле ‘уступка в отношении’ уже не носит негативного оттенка.

Таким образом, изучение языковых явлений, таких как концептуальные метафоры, в кинотексте позволяет учащимся иностранной аудитории раскрыть особенности фрагмента русской языковой картины мира и выявить роль военной метафоры в ее формировании. Результаты данного исследования могут быть использованы в практике обучения русскому языку как иностранному, при подготовке учебных пособий по метафорологии и лингвистике кинотекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

² Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 242.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багрянцева Г. И. Военная лексика в «Записках» Г. Р. Державина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. № 4. С. 81–87.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 с.
5. Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2007. 296 с.
7. Сафаров Р. Т. Военная лексика татарского языка. Казань, 2015. 196 с.
8. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

9. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

Поступила в редакцию 16.07.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Li Yan, PhD in Philology, Senior Lecturer, Sino-Russian Institute of Jiangsu Normal University (Xuzhou, People's Republic of China)
ORCID 0000-0001-9749-6054; feizaidemami@yandex.ru

SPECIFIC FUNCTIONING OF MILITARY METAPHORS IN CINEMATOGRAPHIC TEXT (a study of Eldar Ryazanov's films)

Abstract. The paper examines the functioning of military metaphors as one of the leading types of conceptual metaphors in the texts of Eldar Ryazanov's films. In contemporary linguistics, there is an increasing focus on the study of cognitive metaphors, which serve as a crucial tool for interpreting creolized texts, particularly cinematographic texts. However, there has been no research specifically exploring the manifestation of military metaphors in films. This article represents the first attempt to identify and analyze metaphorical models that structure thematic groups of military vocabulary, including the following: "naming military actions and ways of warfare", "naming outcomes of military actions", "naming individuals directly and indirectly involved in military actions", "naming types of weapons and their components", and "naming military groups and units". The study reveals the lexico-semantic, categorical-grammatical, functional, stylistic, and linguocultural characteristics of these metaphorical models in film language. It highlights the national and cultural uniqueness of the metaphorical understanding of the vocabulary associated with the semantic domain of "war", thereby reflecting a fragment of the Russian linguistic worldview through identifying key instances of using military metaphors in everyday contexts. The findings can be applied to the teaching of Russian as a foreign language and can inform the development of textbooks on metaphorology and the linguistics of cinematographic texts.

Keywords: military metaphor, seme, direction of metaphorical transfer, cinematographic text, linguistic worldview

For citation: Li, Yan. Specific functioning of military metaphors in cinematographic text (a study of Eldar Ryazanov's films). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1122

REFERENCES

1. Bagryantseva, G. I. Military vocabulary in the *Notes* by G. R. Derzhavin. *Vestnik of N. A. Nekrasov Kostroma State University*. 2009;4:81–87. (In Russ.)
2. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. Russian political metaphor (materials for the dictionary). Moscow, 1991. 193 p. (In Russ.)
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. Metaphor in political interdiscourse: Monograph. Yekaterinburg, 2006. 215 p. (In Russ.)
4. Voroshilova, M. B. Political creolized text: keys to reading: Monograph. Yekaterinburg, 2013. 194 p. (In Russ.)
5. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
6. Maslova, V. A. Introduction to cognitive linguistics. Moscow, 2007. 296 p. (In Russ.)
7. Safarov, R. T. Military vocabulary of the Tatar language. Kazan, 2015. 196 p. (In Russ.)
8. Slyshkin, G. G., Efremova, M. A. Cinematographic text (experience of linguocultural analysis). Moscow, 2004. 153 p. (In Russ.)
9. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. Creolized texts and their communicative function. *Optimisation of speech impact*. Moscow, 1990. P. 180–186 (In Russ.)
10. Chudinov, A. P. Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000). Yekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.)

Received: 16 July 2024; accepted: 2 December 2024